УДК 130.2:2

Г.Е. Шкалина
Йошкар-Ола«Наследие»
№ 2 (15) (2019)

ПРОБЛЕМА СВЯТОСТИ (СВЯЩЕННОГО) В ЦЕННОСТНОЙ ПАРАДИГМЕ КУЛЬТУРЫ*

Цитирование: Шкалина Г.Е. Проблема святости (священного) в ценностной парадигме культуры // Наследие. 2019, № 2(15). – С.50–58.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2019.2.3>

Citation: Shkalina G.E. Problema svyatosti (svyashchennogo) v cennostnoj paradigme kul'tury [Problem of holiness (sacred) in the value paradigm of culture] // Nasledie [Heritage] 2019, No. 2 (15). – pp.50–58.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2019.2.3>

В статье раскрывается тема святости/священного в ментальной структуре культуры в значении ее доминирующей ценности. Этой сфере духа и внутреннего человеческого опыта уделяли внимание во всех древних культурах – от Средиземноморья до Индии. В античной традиции описание такого опыта получило название иерофании, или сакрального. Автор выводит понимание священного из мировых и национальных религий как чего-то сверхъестественного, таинственно-чудесного, способного исполняться «иночеловеческой силой». Ключевые слова: святость, священное, иерофания, сакральное, профанное, ценностная основа.

Shkalina G.E. Problem of holiness (sacred) in the value paradigm of culture
The article reveals the theme of holiness/sacred in the mental structure of culture in the meaning of its dominant value. This sphere of the spirit and inner human experience was given attention in all ancient cultures – from the Mediterranean to India. In ancient tradition the description of such an experience was called “hierophany” or sacred.

Key words: holiness, sacred, hierophany, profane, value basis.

Каждая культура индивидуальна. Как утверждал Питирим Сорокин, она имеет «собственный менталитет», свою систему истинности и познания, формы искусства и литературы, правила и кодексы поведения, свою экономику и политику, свои законы и наказания, собственную философию и мировоззрение, свои тип религии и стандарты «святости» [Сорокин, 2000, с.47].

Святость, священное – важнейшее мировоззренческое понятие, воспринимаемое человеком как принципиально отличное от обыденной реальности и исключительно ценное. Славянский корень *svet* восходит к индоевропейскому *k'wen* в значении *увеличиваться, набухать, исполняться благодатной иночеловеческой силой*.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00086.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля слово *святой* определяется как «духовно и нравственно непорочный, чистый, совершенный; все, что относится к божеству, к истинам веры; предмет высшего почитания, поклонения; духовный, божественный, небесный» [Даль].

В картине мира *священное/святое* выполняет роль структурообразующего начала, когда выстраиваются другие фрагменты картины мира и складывается иерархия – вертикаль ценностных ориентаций. В латинском языке такой смысл заложен в слове *сакральное*: слово *sacer* имеет значение *отделенности, сокрытости, неприкосновенности*. Исторически во всех культурах комплекс идей и чувств, предметом которых выступает *священное/сакральное*, нашел свое наиболее полное выражение в системе верований – религиозной духовности. В марийском языке слово *святой* оформлено понятием *шнуй*.

Человечество прошло огромный путь, пытаясь передать невыразимую священную реальность, которую люди называли словами «Бог», «Брахман», «Аллах», «Дао», «Юмо» и др. Принципиальная сдержанность в высказываниях о священном (или Боге) – одна из постоянных тем основных религиозных традиций. Иудеям, например, возбраняется произносить священное имя Бога, а мусульманам – создавать материальные изображения божественного. Такие строгости призваны напоминать, что реальность, именуемая *Богом*, превосходит любые попытки человека ее описать. Тем не менее в рассказах и описаниях существуют Горные вершины, темные ночи, бездны отчаяния, пытки и кошмары; а в других случаях, наоборот, отмечаются Свет и Преображение.

Свет – это видимое проявление невидимого мира, сопровождающее все божественные созидания. «Fiat Lux!» (Да будет Свет!) – восклицали древние. Солнечный свет идентифицируется с разумом и вдохновенным озарением в момент познания, тогда как лунный является отражением рациональной мысли.

Култ огня берет начало в духовной природе света. Он восходит к доисторическим временам, а его символический язык поливалентен. Очистительный огонь на алтаре искупительной жертвы всегда сопровождал как восшествие на престол, так и «Божий суд». Именно такой огонь дал эпитет «пламенный». Жар, исходящий от огня, при встрече с материей становился духовным горением всякого испытания и в разных традициях рассматривался как горнило испытаний, пребывающее внутри человека, в центре его сердца. В восточной традиции оно понималось как расположенное в месте соединения нервов и сосудов и получило название *солнечного сплетения*.

Звезды и планеты исстари играли для человека чрезвычайно важную роль. Все, что касалось неба, имело священный характер. Можно предположить, что человека всегда увлекала такая иная реальность, он мог пожелать как-то ее использовать. Люди повсеместно наделили невидимые силы свойствами индивидуальности: они создали богов, соответствующих ветру, солнцу, морю, звездам и в то же время похожих на человека. Так они выразили свое ощущение родства с миром незримым и миром окружающим. В итоге получилось многозначное (поливалентное) понятие Бога, вмещающего в себя широчайший спектр значений. Без такой гибкости идея Бога не заняла бы основного места в истории человеческой мысли. Мировая практика показывает: когда одни представления о Боге теряли смысл или устаревали, они

незаметно забывались и сменялись новыми значениями. Каждое поколение создавало такой Его образ, какой соответствовал историческим задачам: «Представления о Боге – не вечная святыня, а временная условность» [Армстронг, 2016, с.3].

По теории немецкого антрополога Вильгельма Шмидта, когда-то люди признавали единственное Высшее Божество, которое сотворило мир и издалека руководило делами человека. В книге «Происхождение идеи Бога» (1912) он приходит к следующим выводам: у охотников-собирателей, представляющих наиболее древние формы культуры, существовал Высший Бог – творец мира; образ Высшего существа является столь высоким, что он не выводится из человеческого опыта, следовательно, его можно отнести к первоначальному Божественному Откровению; почитание солнца и магия постепенно стали доминировать в тотемических культурах, а в матриархальных аграрных культурах почитали землю и создали культ плодородия, лунную мифологию и почитание мертвых. Так первобытный монотеизм практически исчез из религиозной жизни этих народов [Шмидт, 1969].

Другой немецкий ученый Рудольф Отто, опубликовавший в 1917 г. обстоятельный труд «Das Heilige» (Священное), полагал, что источником религиозности является ощущение непостижимого. Священное выражалось людьми по-разному: или как восторженное, дикое, вакхическое возбуждение, или как полная безмятежность, или как ужас, благоговение и ощущение собственного ничтожества в сравнении с таинственной силой, пронизывающей все сферы жизни. Слагая мифы и поклоняясь своим богам, люди не стремились к буквальному объяснению явлений природы. Символические предания, скульптуры и наскальные рисунки – это попытки выразить ощущение чуда и связать эту вездесущую загадку с обыденной жизнью (те же чувства сегодня вдохновляют поэтов, художников и музыкантов). Р. Отто полагал, что для верующего «живой Бог» – это не какая-то идея, абстрактное понятие, простая моральная аллегория; это – страшная мощь. Поэтому явление божественного всегда вызывает у человека чувство собственной ничтожности, «ужаса» перед мощью явившейся ему силы. Эта сила противостоит естественной реальности как нечто «совершенно иное» (по-немецки *ganz andere*), непостижимое и вызывающее у человека чувство трепета и преклонения. В культуре это означает иную реальность, вечную по отношению к тленному миру, первичную и абсолютную. Немецкий теолог построил следующую схему основных форм человеческого ощущения святого:

- чувство тварности;
- мистический ужас, который делится на моменты: ужас–величие–божественная энергия–тайна;
- восхищение;
- чувство священного/святости [Отто, 2008, с.77].

Как полагали В. Шмидт, Р. Отто и другие ученые, сознание человека могло возникнуть только в том случае, когда он придавал смысл своим переживаниям и ощущениям. Священное проявляется, обнаруживается как нечто совершенно отличное от обычного, мирского. Для объяснения этого явления в науке используется термин *иерофания* (от греч. *ιερός* «священный» + *φαίνω* «светоч, свет»). Всемирная история религий, от самых примитивных до наиболее изощренных, – это описание иерофаний, т.е. проявлений священных реальностей. Между проявлением священного

в каком-либо объекте, камне или дереве, и иерофанией высшего порядка, какой является для христианина воплощение Бога в Иисусе Христе, есть очевидная связь преемственности. Повсеместно речь идет о таинственном акте, проявлении чего-то «потустороннего» в нашем «естественном» мире.

Через опыт священного человеческий разум постиг разницу между тем, что проявляется как настоящее, мощное, энергоемкое, имеющее смысл, и тем, что лишено этих качеств, т.е. существует в виде хаотического потока явлений, возникающих и исчезающих случайно. Следовательно, «священное входит в саму структуру сознания, а не представляет некую стадию его истории. На самых архаических уровнях культуры жить, как подобает человеку, – само по себе есть религиозное действо...» [Элиаде, 2002, с.5].

Жить, как подобает человеку, – это, прежде всего, трудиться. В процессе работы с куском кремня или простой иглой, с брусом дерева или куском камня, при изготовлении рыболовного крючка или наконечника для стрелы, глиняной статуэтки или кувшина для воды воображение попадает на различные уровни реальности. При этом орудия и изделия наделяются бесчисленными символическими значениями. Мир труда на многие часы, дни, годы поглощает внимание ремесленника, превращается в таинственный и священный центр, исполненный смысла.

Как полагают исследователи древних верований, для человека первобытных обществ чувство священного – это чувство могущества. Священное могущество означает одновременно реальность, неизбежность и эффективность. Религиозный человек всей душой стремится глубоко погрузиться в реальность, участвовать в ней, вобрать в себя могущество. Поэтому священное/святое и мирское/светское – это два образа бытия в мире, две ситуации существования, принимаемые человеком в ходе истории.

Современный рационалист испытывает определенное замешательство перед некоторыми формами проявления священного, например, в камнях или деревьях. Однако речь не идет об обожествлении камня или дерева самих по себе. Священный камень остается камнем; внешне (с мирской точки зрения) он ничем не отличается от других камней. Но для людей, обладающих религиозным опытом, вся природа способна проявляться как космическое священное пространство.

Из древних мифов пастушеского периода известно: существует понимание высшей священной силы, фундаментальной космической энергии. У немецкого философа Мартина Хайдеггера это названо Бытием, которое поддерживает и оживляет все сущее. Его невозможно определить и описать, поскольку Бытие всеохватно, а наш мозг способен воспринимать лишь частичное, ограниченное: «Отчетливая и прозрачная постановка вопроса о смысле бытия требует предшествующей адекватной экспликации определенного сущего (присутствия) в аспекте его бытия» [Хайдеггер, 1997, с.7]. Однако некоторые предметы могут символизировать силу Бытия. Например, камень и скала (часто встречаемые символы священного) выражают стабильность и долговечность Бытия, у луны наблюдается его способность к вечному обновлению, у неба – его трансцендентность, вездесущие и всеобщность. Бытие связывало все воедино: люди и животные, насекомые и растения, звезды и птицы – все они были причастны к божественной жизни, поддерживающей вселенную. Известно, к примеру, что древние арийские племена чтили незримую и безличную силу в себе

и во всех других природных явлениях. Все вокруг считалось проявлением этого всеохватного «мана» или «манью» [Боусе, 2001]. Иногда эту загадочную силу ощущают как присутствие чего-то – дух, иногда она воспринимается как электричество или радиация. Люди верили, что она кроется в вождях племен, животных, камнях, травах. В священных рощах римляне ощущали присутствие духов – *numina*. Арабы и сейчас говорят, что окружающий мир населен *джиннами*, японцы – *ками*, эстонцы говорят о *vägi*, в Индии есть понятие *прана*. Повсеместно эта сила понималась как более высокая, более глубокая и более фундаментальная, чем Боги. Поскольку она не личностна, ей невозможно молиться и ждать, что она ответит на молитвы. Эта священная энергия объединяет мир в единое целое и существует вне времени. Например, в Поднебесной империи (Китае) это называлось *Дао* – Путь. Дао объемлет все мироздание и не имеет ни качеств, ни форм. Вековая традиция народа мари имеет аналог Дао. Это понятие *Ю* (раньше это слово писали двумя буквами – *йу*) – космическая сила, мощь, энергия. Марийский фольклор сохранил формулу понимания этой загадочной силы: *Юмо деч Ю патыр* – Ю сильнее Бога.

Одним словом, в древнейшей традиции не было веры в единое высшее существо. Каждое высшее существо могло быть лишь одним в ряду многих; быть может, больше и лучше, чем другие, но все же ограниченной и неполной реальностью. В конце концов, в мире действует множество незримых сил: ветер и жара, вода и воздух. Они часто обожествлялись. Скажем, арийский бог Агни – это огонь, преобразующий человеческую жизнь. Арии называли своих богов словом «сияющие» (*devá*), поскольку Дух сиял через них ярче, чем через смертных. Однако эти боги не властвовали над миром. Они не были всеведущими. Подобно всему остальному, они подчинялись тому порядку, который поддерживает вселенную, направляет звезды по их путям, устанавливает времена года друг за другом, определяет границы морям [Боусе, 2001, р.9–11].

Древнеарийская «Ригведа» называет высшую реальность *Брахманом*. Брахман – это незримый принцип, который дает возможность всему вокруг расти и развиваться. Это сила более высокая, более глубокая и более фундаментальная, чем боги. Брахман – это священная энергия, которая объединяет мир в единое целое, не дает ему распасться. Дать ему определение невозможно, поскольку язык указывает лишь на индивидуальные сущности, а Брахман есть «Все»: все, что существует, а также внутренний смысл всякого существования [Реноу, 1953].

Хотя Брахман недоступен человеческому разумению, некоторые намеки на его свойства содержатся в «Ригведе» – священных текстах древних ариев. Одним из главных символов божественного для них был звук: его сила и неосвязаемость казались удачным олицетворением всеохватного Брахмана. Когда жрец распевал ведические гимны, музыка наполняла воздух и входила в сознание молящихся. Они ощущали, как в них вливается божественность. Эти гимны, открытые древним «провидцам» (*риши*), содержали не доктрины, в которые надлежало верить, а мифы, в которых излагались истины в виде образов и намеков (ясному логическому изложению они не поддавались). Красота гимнов вызывала у слушателей благоговение и восторг, порождала душевный подъем. Люди вникали в глубинный смысл этих удивительных поэм, которые сочетали с виду разрозненные жизненные вещи, подобно тому, как сокрытый Брахман объединял мир в единое целое.

Для древних народов *Священное* всегда становилось *Действительным*. Все, что мифы рассказывают о творческой деятельности богов и героев, относится к сфере Священного. И наоборот, все, что не обосновано мифом, относится к сфере профанного, ничтожного. Поэтому страна, селение и дом должны создаваться по образцу священной космогонии, только тогда мир примитивного станет действительным миром, пригодным к заселению. Хаос для человека является смертельной опасностью.

Для религиозного человека пространство неоднородно: в нем много разрывов, разломов: «И сказал Бог: не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих; ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая» (Исход, III, 5). Пространства священные понимаются как «сильные», значимые, а профанные – как простые, обычные, не имеющие структуры и содержания. Разрыв пространства позволяет иметь «точку отсчета», центральную ось всякой последующей ориентации. Например, для верующего священная роща, капище, церковь являются предметами иного пространства, нежели лес или улица, в окружении которых они находятся. Ворота или дверь обозначают разрыв связи. Это та граница, которая разделяет и противопоставляет два мира; но, с другой стороны, это место, где они сообщаются, где мир профанного может перейти в мир священного. Внутри священного пространства светский мир возвышается над собой. Уже на самых древних этапах культуры эта возможность возвышения означала общение с богами. Следовательно, должна существовать какая-то «лестница» наверх, по которой боги могли бы спускаться на Землю, а человек мог бы символически подниматься на Небо. Священная роща, капище, храм – это «открытый путь» вверх, по которому и происходит общение с миром богов. Но «открытый путь» может быть и в нижний мир, царство мертвых. Таким образом, три космических уровня – Небо, Земля, Нижний мир – могут сообщаться. Во многих культурных традициях такое сообщение выражали в образе вселенской Колонны – *Axis mundi* (в переводе с латинского – *Ось мира*). В марийской мифологии мы встречаем название *Кава мегге* – *небесный Столб*. Такая Колонна (или Столб) соединяет и в то же время поддерживает Небо и Землю, а основа ее погружена в Нижний мир, иногда понимаемый как Преисподняя или Ад. Ось мира может находиться только в самом Центре Вселенной, т.к. весь обитаемый Мир простирается вокруг нее. Вот как растолковывает своему суженому вышитые на подарочном платке узоры марийская эпическая красавица Пампалче:

*Посредине – вяз могучий,
Древо жизни, центр вселенной,
Что миры соединяет:
Наш, небесный, и подземный;
Сторона дневная – справа,
Слева – лунная дорога,
А с изнанки – царство тени.
Если бросишь ты иголку,
Позолоченное ушко,
На платок, что мною вышит, –
Острием она покажет
Недвижимый столб небесный,
Что зовется Кава мегге,*

*А ушком – изгиб дороги,
По которой ходит Кече...*

[Спиридонов, 2002, с.39]

Аналогичная семантическая функция придается и человеческому жилищу. В традиционной культуре прохождение через *порог* дома сопровождается множеством обрядов: перед ним почтительно раскланиваются или бьют челом, до него благоговейно дотрагиваются рукой и т.д. У порога есть свои «стражи»: боги и духи, защищающие вход от злых людей, от нечистых сил. Раньше именно на пороге приносились дары божествам-хранителям. Порог и дверь являются символами и средствами перехода, конкретно указывают на границу, на противопоставление между территорией обитания и неизвестным пространством, которое окружает человека. Первое – это «Мир» («Наш мир»), освоенный и освященный богами Космос. Все остальное – Хаос, что-то вроде «иног мира»; это чужое и хаотичное пространство, населенное «чужими», демонами. В марийской картине мира такое пространство настолько отдаленно-чужое, непригодное для жизни, что сравнимо с «тем Миром»/«тем Светом» – *Вес т'яня*, т.е. Преисподняя.

Следовательно, *космизация* неведомых земель – это всегда *освящение*. Это место или пространство, организованное людьми, уже освоенное, обжитое ими.

В понимании священного как ценностной основы культуры важное значение имели отдельные исторические вехи, являющиеся очень часто причиной разрывов пространств, смены религий. Сотни тысяч лет, прожитые в древнекаменном веке, оказали решающее влияние на будущее человечества. То, что австралийский археолог Гордон Чайлд в 1925 г. назвал «неолитической революцией», происходило между IX и VII тысячелетиями до н.э. [Childe, 1956]. Став производителем своего питания, человек постепенно изменил унаследованное от предков поведение. Для этого, прежде всего, он должен был усовершенствовать технику исчисления времени, открытую еще во времена палеолита. Ему уже недостаточно было правильно устанавливать некоторые будущие даты с помощью рудиментарного лунного календаря. Отныне земледельцу приходилось планировать свои действия за несколько месяцев до их осуществления, нацеливаясь на отдаленный и поначалу всегда ненадежный результат – урожай.

В новых условиях решающую роль начинают играть женщины. Они часто становились собственниками возделываемых полей. Так на вершину иерархии взошла женская сакральность. Плодородие земли связано с плодovitостью женщины, на нее ложится ответственность за урожай, поскольку она знает «тайну» творения. Это была религиозная тайна, поскольку она касалась происхождения жизни, питания, смерти. Почва уподобляется женщине, изобретенный плуг – мужчине, земледельческий труд – любовному акту. Например, появившиеся в более поздние времена аграрные праздники у волжских народов – *Агавайрем* у мари, *Сабантуй* у татар, *Акатуй* у чувашей – по своим мировоззренческим основаниям указывают на переход к производящему хозяйству. Вспахивание поля стало ритуалом, заменившим охоту, а Земля кормилица вытеснила Хозяина животных. Несомненно, женская и материнская сакральность были известны и во времена палеолита и мезолита, но открытие земледелия заметно усилило ее влияние. Новая *идея святости плодородия* преобразила человеческую жизнь, воплотившись в культе *Богини-Матери*. Археоло-

логи находят ее изображения в облике обнаженной беременной женщины по всей Европе, на Ближнем Востоке, в Индии, в Крыму. Великая Мать долгие века оставалась важным объектом творческого воображения. Подобно древнейшему Богу Неба, она вошла в более поздние пантеоны и заняла почетное место среди других древних божеств. Обычно ее относили к самым могущественным богам. Считалось, что она намного сильнее Бога Неба, который постепенно отдалялся. Особо подчеркнем, что древнейшее мариинское название *Юмо* также означает Небо, воздушную сферу. Тем не менее мариинская космогония сохранила в фольклоре следующее высказывание: *Аважат мыланна – Кава, Каважат мыланна – Ава* (И Мама нам – Небо, и Небо нам – Мама). Следовательно, в данном случае акцентировка сделана на женское космическое начало.

Удивительно схожие легенды о Богине-Матери, существующие у разных народов, подчеркивают ее значимость в духовной жизни людей в самых разных уголках земли. Шумерская Инанна, вавилонская Иштар, ханаанская Анат, египетская Исида, греческая Афродита, мариинская Шочынава – под такими именами знали ее разные народы.

Таким образом, священное/святое (сакральное) и мирское (светское, профанное) – это два образа бытия в мире, две ситуации существования, принимаемые человеком в ходе своей истории. Небо, звезды, планеты играли ключевую символическую роль в миропонимании людей. В религиях мира священное представлено как нечто сверхъестественное, таинственно-чудесное, способное исполняться иномателовеческой силой. Так человек мог реализовать свои духовные потребности: спасение души, исполнение священного долга, преданность Богу, моральные императивы.

«Всякая великая культура, – писал П. Сорокин, – есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную, ценность. Именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры» [Сорокин, 2000, с.46–47]. Со временем эти ценности формируют обыденное сознание и объективируются в различных способах социальных действий, мыслей, инициатив, систем верований, в которых центральное место занимает тема святости (священного).

Литература

- Армстронг К. История Бога: 4 000 лет исканий в иудаизме, христианстве и исламе. М.: Альпина Нон-фикшн, 2016. – 501 с.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [https://dal.lexicography.online/c/святой]
- Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношение с рациональным / Пер. А.М. Руткевича. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. – 272 с.
- Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений: Пер. с англ. СПб., 2000. – 1056 с.
- Спиридонов А.Я. Югорно. Песнь о вещем пути: эпос мари / перевод с русского А.И. Мокеева. Йошкар-Ола: Мариинское книжное издательство, 2002. – С.39.
- Шмидт В. // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.]. М.: Советская энциклопедия, 1969.
- Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; Пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Ad Marginem, 1997. – 503 с.
- Элиаде М. История веры и религиозных идей. Том I. От каменного века до элевсинских мистерий. М.: Критерион, 2002. – 464 с.

- Boyce M. Zoroastrians: Their Religious Beliefs and Practices. London & New York, 2001. – P.252.
 Renou L. Religions of Ancient India. London. 1953. – P.139.
 Childe G. Piecing Together the Past. London, 1956. – P.182.

References

- Armstrong K. Istoriya Boga: 4000 let iskanij v iudaizme, hristianstve i islame [A history of God: 4,000 years quest of Judaism, Christianity and Islam]. Moscow, Al'pina Non-fikshn, 2016, 501 p.
 Dal V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language] URL: [https://dal.lexicography.online/c/святой]
 Otto R. Svyashchennoe. Ob irracional'nomv idee bozhestvennogo i ego sootnoshenie s racional'nym [The Sacred. About irrational idea of divine and its relation to rational] (transl. by Rutkevich A. M.). Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2008, 272 p.
 Sorokin P.A. Social'naya i kul'turnaya dinamika: Issledovanie izmenenij v bol'shih sistemah iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestvennyh otnoshenij [Social and cultural dynamics: a study of change in major systems of art, truth, ethics, law and social relationships]: translation from English. Saint Petersburg, 2000, 1056 p.
 Spiridonov A.J. Yugorno. Pesn' o veshchem puti: epos mari / perevod s russkogo A.I. Mokeeva [Jugorno. The song about the prophetic way: mari epos (transl. from Russian by A.I. Mokeev). Yoshkar-Ola, Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2002, p.39.
 Shmidt V. // Bol'shaya sovetskaya enciklopediya [Schmidt V. The Great Soviet Encyclopedia]: [in 30 vol]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia, 1969.
 Heidegger M. Bytie i vremya [Genesis and time]. M. Heidegger (transl. from German by V.V. Bibikhin). Moscow, Ad Marginem, 1997, 503 p.
 Eliade M. Istoriya very i religioznyh idej. Tom I. Ot kamennogo veka do elevsinskih misterij [History of faith and religious ideas. Vol. I. From the Stone Age to the Eleusin mysteries]. Moscow, Kriterion, 2002, 464 p.